
ПОЛИНА КУЗИНА
СЛЕПАЯ ЗОНА
КНИГА 2. ТЕНЬ ЗА ПЛЕЧОМ
18+
АРТЕМ ВОРОНОВ | ВЕРА СОКОЛОВА

Полина Кузина

Слепая зона. Книга 2. Тень за плечом

https://litres.ru/74718298
SelfPub; 2026

Аннотация

Финальный расчет в Петербурге закончился шоком: затопленный брезент поднят на поверхность, но останков внутри нет.

Оставив за спиной руины своей карьеры и обвинения в побеге, непримиримые враги вынуждены бежать вместе. На ржавом сухогрузе они прорываются сквозь штормовую Балтику в кипящий, опасный Стамбул. В лабиринтах трущоб Тарлабаши и на пропахших солью причалах Босфора ненависть между ними мутирует в темную, взрывоопасную страсть — притяжение двух сломленных людей, у которых больше никого не осталось.

Но чем ближе они подбираются к беглецу, тем страшнее становится изнанка семейной трагедии. В руках у вчерашнего студента оказываются швейцарские ключи к многомиллиардным офшорам силовиков, а на узких крышах древнего города за их головами уже идут наемники. Чтобы выжить, им придется ответить на вопрос: что делать, если тот, кого ты оплакивал полгода, хладнокровно продал твою жизнь?

"Охотник и жертва скованы одной цепью.

Но страшнее чужих пуль — правда, которая ждет в конце пути."

Содержание

Глава 1. Пепел над заливом 7
Глава 2. Ржавчина и соль 13
Глава 3. Каюта номер четыре 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Полина Кузина
Слепая зона. Книга 2. Тень за плечом

Полина Кузина
Слепая зона
Книга 2. Тень за плечом

Аннотация

Финальный расчет в Петербурге закончился шоком: затопленный брезент поднят на поверхность, но останков внутри нет. Человек, из-за которого Вера Соколова превратила свою жизнь в вендетту, а Артем Воронов пошел на преступление, не просто жив — он сбежал за границу с фальшивым паспортом.

Оставив за спиной руины своей карьеры и обвинения в побеге, непримиримые враги вынуждены бежать вместе. На ржавом сухогрузе они прорываются сквозь штормовую Балтику в кипящий, опасный Стамбул. В лабиринтах трущоб Тарлабаши и на пропахших солью причалах Босфора ненависть между ними мутирует в темную, взрывоопасную страсть — притяжение двух сломленных людей, у которых больше никого не осталось.

Но чем ближе они подбираются к беглецу, тем страшнее

становится изнанка семейной трагедии. В руках у вчерашнего студента оказываются швейцарские ключи к многомиллиардным офшорам силовиков, а на узких крышах древнего города за их головами уже идут безжалостные наемники. Чтобы выжить, им придется ответить на вопрос: что делать, если тот, кого ты оплакивал полгода, хладнокровно продал твою жизнь?

"Охотник и жертва скованы одной цепью.

Но страшнее чужих пуль — правда, которая ждет в конце пути."

Глава 1. Пепел над заливом

Бортовой журнал наряда ППС, брошенный на капот патрульного уазика, хлопал на ветру вырванным углом страницы. Небо над заливом побелело, приобретя цвет сырой извести. Ни солнца, ни теней — только плоская, вымороженная пустота, в которой звук мигалок казался глухим, ненастоящим.

Горохов докурил сигарету почти до оранжевого фильтра. Огонек зашипел, когда майор втоптал бычок в раскрошенный бетон причала.

— Паспорт на имя Нестерова Ильи Сергеевича, девяносто восьмого года рождения, — Горохов говорил тяжело, в нос, не глядя на Веру. Он вытащил из кармана бушлата распечатку с пограничного терминала Пулково — термобумага уже свернулась в трубочку от сырости. — Фотография вклеена кустарно, но ламинат заводской, госзнаковский. Такие бланки уходили из паспортного стола в Выборге три года назад, когда там начальника хлопнули на взятках.

Вера не взяла листок.

Она сидела на том же бетонном блоке, не чувствуя, как холод пробирается сквозь тонкие колготки и шелк разорванного вечернего платья. Пальто сползло с ее плеч на землю. Ее руки, лежавшие на коленях, были идеально неподвижны. Только пальцы правой ладони медленно, машинально цара-

пали край гранитной плиты, сдирая лак с ногтей до мяса.

— Он сел в самолет? — ее голос прозвучал пусто, без интонаций. Будто говорила не она, а магнитофонная запись на севшей батарейке.

— Борт «Турецких авиалиний» оторвался от полосы двадцать две минуты назад, — майор сплюнул под ноги. — Рейс ТК-402, Санкт-Петербург — Стамбул. Снять его мы не могли: у погранцов ориентировки не было, а я для Пулково — никто, майор из районного СК с Карелии. Пока я орал в трубку их дежурному подполковнику, шасси уже убрали.

Горохов повернулся к Артему. Окинул его тяжелым, усталым взглядом — оценил порванное плечо свитера, синяк под глазом, набрякшую кровью ссадину на виске.

— К тебе, Воронов, вопросов у меня на сегодня больше нет. Ковалев в изоляторе уже поет как канарейка, выгораживает себя, топит Глеба. По Лебедевой ты чист процессуально. Но если вздумаешь дернуть из города до суда — объявлю в федеральный за нарушение подписки. Понял?

Артем не ответил. Он даже не моргнул. Стоял рядом с Верой, уперев здоровую руку в карман джинсов, прикрывая ее плечом от сквозняка с воды.

Горохов махнул рукой своим бойцам: — Сворачиваемся. Оцепление оставить до приезда криминалистов из города.

Тяжелые двери микроавтобусов захлопнулись с гулким грохотом. Колонна тронулась, взметая колесами грязь и мокрый снег. Вой сирен стал удаляться по аллее Крестовского

острова, пока не растаял окончательно за стеной мокрых вязов.

Они остались одни.

Только битое стекло под ногами, следы от протекторов на бетоне и запах гари от перегретого радиатора внедорожника.

Артем медленно опустился на корточки перед Верой. Левое ребро отозвалось резким уколом, но он проигнорировал боль. Взял ее руки в свои. Ее пальцы были как куски льда — негнущиеся, белые, перепачканные каменной пылью.

— Вера.

Она не повернула головы. Смотрела куда-то сквозь залив, в ту серую муть, где скрылись огни ночного города.

— Полгода, — прошептала она. Губы почти не двигались. — Полгода я не спала больше трех часов. Я ходила в его комнату. Перебирала его конспекты по ботанике. Я продала его мопед, потому что не могла видеть это чертово колесо в гараже... Я смотрела матери в глаза, когда она ложилась под капельницы в кардиологии, и врала ей, что полиция вот-вот найдет тело.

Она медленно перевела взгляд на Артема. В ее темных зрачках не было слез — там плескалась сухая, выжженная ярость, от которой внутри все переворачивалось.

— А он был жив, — Вера оскалилась в жуткой, ломаной усмешке. — Мой маленький мальчик. Мой святой Дениска. Он сидел где-то на съемной хате, жрал пиццу и смотрел, как я схожу с ума.

— Мы не знаем, что там было, — тихо сказал Артем. Его голос звучал хрипло, но твердо, возвращая ее к реальности, как пощечина. — Мы не знаем, кто держал его все эти месяцы. Ковалев мог запереть его в подвале под Выборгом. Мог накачать дрянью. Мог заставить взять этот паспорт.

— Не оправдывай его! — сорвалась она на крик. Эхо ударило о жестяную крышу эллинга. Вера выдернула свои руки из его пальцев, вскочила на ноги, но колени не удержали ее — она пошатнулась, едва не упав на битый кирпич.

Артем перехватил ее за талию, прижал к себе жестко, не давая вырваться. Она забилась в его руках — не как женщина, а как раненый зверь, впиваясь ногтями в его плечи, пытаясь оттолкнуть, ударить кулаком в грудь, прямо в сломанные ребра.

— Пусти! Пусти меня, сука!

Боль в груди Артема вспыхнула белым огнем, но он только сильнее стиснул зубы и вжал ее в себя, накрывая ладонью ее затылок, утыкая ее лицо в свой мокрый воротник.

— Бей, — прохрипел он ей на ухо. — Бей, если легче. Давай.

Она ударила еще раз — слабее. Потом еще. А потом ее пальцы судорожно вцепились в его свитер, сминая шерсть. Все ее тело затряслось в беззвучном, сухом спазме. Она не плакала вслух — просто задыхалась, уткнувшись ему в ключицу, пока ее дыхание жгло его остывшую кожу.

Артем держал ее. Стоял посреди разрушенного эллинга,

чувствуя, как ее дрожь передается ему, смывая остатки адреналина этой ночи.

— Мы найдем его, — произнес он, глядя поверх ее головы на светлеющее небо. — Слышишь меня? Мы поедем в Стамбул. Я выверну этот город наизнанку, но найду твоего брата. И ты спросишь его сама. Обо всем.

Вера замерла. Ее дыхание медленно выравнивалось.

Она медленно отстранилась. Ее лицо было бледным, под глазами залегли темные круги, пряди волос прилипли к мокрым щекам, но в глазах снова зажглась та самая холодная, опасная сталь, которая встретила его в номере карельского отеля восемь часов назад.

Она вытерла лицо тыльной стороной ладони, оставляя на коже тонкую царапину от застывшей ссадины.

— У тебя подписка о невыезде, Воронов. Твой загранпаспорт лежит в сейфе у следователя.

Артем криво усмехнулся, глядя на причал: — Соколова, я шесть лет строил портовые сооружения для балтийской таможни. Если ты думаешь, что из этой страны можно выехать только через терминал Пулково с печатью в паспорте — ты хреновый криминальный адвокат.

Вера посмотрела на него в упор. Впервые за все это время на ее губах появилось подобие настоящей, злой усмешки.

— У меня в сумке сорок тысяч долларов наличными, которые я сняла со счета перед выездом в Карелию. И контакты капитана сухогруза в Усть-Луге, которого я отмазала от

контрабанды в прошлом году.

— Сколько до Усть-Луги? — спросил Артем.

— Два часа, если объехать посты по бетонке, — Вера наклонилась, подняла с земли свое мятое пальто, встряхнула его и набросила на плечи. — Садись за руль, Воронов. От твоего кашемира воняет порохом и мертвецами. Нам нужно переодеться до того, как этот город проснется.

Глава 2. Ржавчина и соль

Бетонка на Усть-Лугу вибрировала под колесами с мерным, отупляющим стуком: *стык — удар, стык — удар.*

Лес по обе стороны дороги стоял чахлый, болотный, присыпанный колючим инеем. Небо висело так низко, что верхушки кривых берез царапали серое брюхо туч. Ни попуток, ни встречных — только тяжелые лесовозы с номерами сорок седьмого региона изредка обдавали их лобовое стекло волной соленой жижи.

Артем вел молча, положив левую руку на низ обода руля. Правое плечо онемело, а под ребрами при каждом резком повороте разливался тупой, горячий отек. Печка выла на второй скорости, выдувая в ноги сухой синтетический жар.

Вера сидела на пассажирском сиденье, откинувшись на спинку.

Она переоделась прямо на заправке под Кингисеппом, пока он заливал до полного бак и покупал в дорогу три пачки сухих сигарет и литр негазированной воды. Вместо вечернего шелка на ней теперь были простые прямые джинсы из серого денима, грубый шерстяной свитер под горло — мужской, купленный там же на стойке для дальнобойщиков — и ее неизменное темное пальто со следами кирпичной пыли на локтях. Волосы она стянула в тугой узел на затылке, открыв бледную, острую линию челюсти.

Она не спала. Смотрела в боковое стекло, где мимо плыли ржавые заборы промзоны и бетонные скелеты недостроенных терминалов.

— Капитана зовут Зубов, — заговорила она вдруг. Голос был сухим, надтреснутым от недосыпа. — Вадим Сергеевич. Сухогруз «Балтийский бриз», ходит под панамским флагом. Везет гранулированный шпат в Текирдаг. Это Мраморное море, сорок километров от Стамбула.

Артем бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида. Хвоста не было.

— Сколько?

— Пять тысяч на руки ему, три — старпому за молчание. Оформит нас как внештатных механиков экспедиции по перегону, судовая роль закрыта задним числом еще вчера вечером. Для погранцов на рейде мы — пара застрявших контрактников. Если они вообще поднимутся на борт при таком штормовом предупреждении.

— Зубов надежный?

Вера медленно повернула голову. На губах мелькнула тень той прежней, ядовитой усмешки, которая защищала ее лучше любого бронежилета:

— Два года назад я вытащила его сына из дела о контрабанде янтаря через калининградский транзит. Следователь уже шил группу лиц в особо крупном, светило от семи до двенадцати. Зубов помнит, кому обязан тем, что его мальчик сейчас учится в мореходке, а не шьет рукавицы в Обухово.

Слово «мальчик» сорвалось с ее языка легко, но тут же повисло в воздухе, обжигая. Вера осеклась. Пальцы ее левой руки, лежавшие на колене, непроизвольно сжались в кулак, сминая ткань джинсов.

Артем не стал комментировать. Он лишь нажал на газ, перестраиваясь в технический карман перед закрытым шлагбаумом терминала перевалки угля.

Здесь пахло иначе, чем в городе. Пахло тяжелым мазутом, сырым углем, гнилыми водорослями и тем особым, горьким духом открытой большой воды, которая не знает границ и законов. Впереди, за паутиной портальных кранов и штабелями контейнеров, угадывался залив — стальной, вспененный, готовый вот-вот захлебнуться штормом.

— Телефон отдай, — сказал Артем, глуша двигатель за штабелем железобетонных плит.

Вера вопросительно вскинула бровь: — Зачем?

— Симку вон, трубку в Финский. Нас начнут биллинговать через два часа, когда Ковалев на допросе сообразит, что ты ушла не в прокуратуру, а в бега. Твой номер засветится на первой же вышке Лужской губы.

Она помедлила секунду. Достала свой айфон — тонкий, в строгом кожаном чехле, хранящий сотни контактов судей, экспертов, нотариусов и следы ее выстроенной с нуля безупречной петербургской карьеры. Вся ее жизнь за последние семь лет.

Вера опустила стекло. Морозный ветер, пахнущий уголь-

ной пылью, ворвался в салон.

Она не стала вынимать сим-карту. Просто размахнулась и швырнула трубку в черную жижу канавы под плитами. Следом полетел и кнопочный аппарат Артема.

Стекло поднялось с глухим щелчком.

— Всё, — сказала она, глядя прямо перед собой. — Мосты сожжены, Воронов. Теперь у нас нет ни имен, ни статуса. Только уголовный розыск за спиной.

— У нас есть сорок тысяч долларов и шесть суток хода до Босфора, — ответил Артем, толкая тяжелую дверь внедорожника. — Выходи, Соколова. Корабли ждать не любят.

Глава 3. Каюта номер четыре

Сухогруз оказался ржавым двухтысячником с облупленной зеленой надстройкой и тяжелой осадкой. Палубу заливало ледяной пеной уже на выходе из бухты: мелкая балтийская волна была злой, короткой, судно скрипело переборками, как старый комод, проваливаясь носом в каждую яму.

Каюта, которую им выделил капитан Зубов — грузный, седой мужик с глазами цвета вылинявшего брезента — находилась на нижней жилой палубе, прямо над машинным отделением.

Здесь непрерывно, нутряно дрожал пол. Пахло дизельным выхлопом, сырой ветошью и жареным луком с камбуза. Узкая двухъярусная койка со шторками на медных кольцах, привинченный к переборке столик с бортиками от качки и ржавый умывальник, из крана которого тонкой струйкой текла рыжеватая теплая вода.

Артем стоял у зеркала над раковиной, стянув свитер.

В тусклом свете энергосберегающей лампы его тело выглядело как карта недавней бойни: левый бок от подмышки до таза налился тяжелым, багрово-черным синяком, ребра отчетливо вздулись на месте трещины. На виске засохла темная корка, а на правом плече синел след от удара прикладом в арке на Мойке.

Он наклонился к раковине, зачерпнул горсть ржавой во-

ды, плеснул в лицо, стиснув зубы от резкой боли в грудине.

Дверь душевой кабинки скрипнула.

Вера вышла, кутаясь в жесткое серое казенное полотенце. Влажные темные волосы падали на худые ключицы, кожа после горячего пара казалась почти фарфоровой на фоне серого железа стен. Она держала в руках аптечку, выданную судовым фельдшером: бинты, эластичный бандаж, ампулы с обезболивающим и пузырек с йодом.

Она остановилась посреди узкой каюты. Судно резко накренилось на правый борт — пол ушел из-под ног. Артем машинально выбросил руку, перехватив ее за плечо, удерживая от падения на железный угол койки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.